

УДК 398

О «ТОЧЕЧНЫХ» СЮЖЕТАХ
РУССКО-БЕЛОРУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ²

д-р филол. наук О.В. БЕЛОВА
Институт славяноведения РАН, Москва

Представлен анализ некоторых сюжетов фольклорной сказочной прозы, связанных с персонажами народной демонологии и зафиксированных на русско-белорусском пограничье. Эти сюжеты можно определить как «точечные» в силу их географического распространения, а народные поверья о демонических существах лизун и хапун, бытующие на лингвокультурном пограничье, считать маркерами локальных фольклорных традиций.

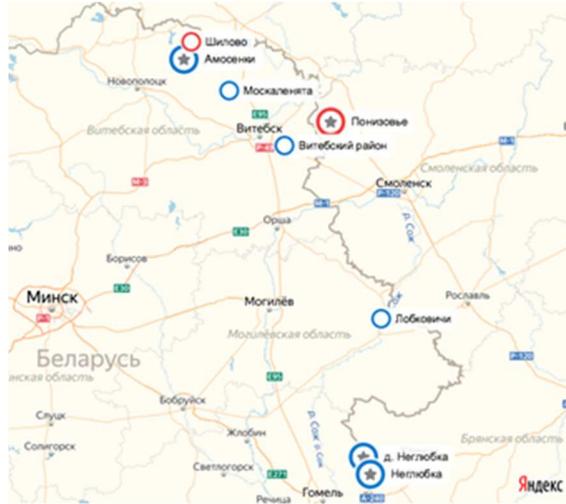
Ключевые слова: фольклор, мифологические персонажи, народная демонология, поверья, этнокультурные контакты, лингвокультурное пограничье.

В этой публикации мы хотели бы представить некоторые результаты изучения сказочной прозы русско-белорусского пограничья, предпринятого в рамках серии международных российско-белорусских проектов по изучению языка и культуры пограничных регионов России и Республики Беларусь в 2011–2017 гг. (подробнее о проектах, их целях и задачах см. [1]). В ходе полевых исследований наше внимание привлекли сюжеты, которые мы предлагаем называть «точечными» не только в связи с их редкостью (уникальностью), но и учитывая характер их географического распространения. Два сюжета, в которых упоминаются мифологические персонажи *лизун* / *лизун* / *лізунок* и *хапун*, а также связанные с ними поверья будут предметом рассмотрения в данной работе.

Лизун / лизун / лизунок. Персонаж с такими названиями, выступающий в роли устрашителя непослушных детей, спорадически фиксируется в народных рассказах на территории Витебской (Городокский, Витебский, Россонский р-ны), Могилевской (Кричевский р-н), Гомельской (Ветковский р-н) и Смоленской областей (Руднянский р-н) – вдоль современной российско-белорусской границы (рисунок).

В настоящее время в нашем распоряжении имеются 9 записей (былички, мемуары, поверья), согласно которым можно выделить два вида этого существа, чей облик в общем-то неясен: 1) аморфный и 2) условно зооморфный.

² Статья написана в рамках работы по проекту «Белорусско-русское этнокультурное взаимодействие в трансграничной перспективе» (РФФИ № 17-24-01004).

Рисунок

Аморфны лизун зафіксаван в Віцебскай вобласці (д. Амосенкі Россонскага р-на – 1 запісь) і в Гомельскай вобласці (д. Неглюбка Ветковскага р-на – 2 запісы); на карце гэты від абазначен сінім кружком са звыздочкай. Як вядзім, гэты від міфалагічнага персанажа ізнестен на крайнем северо-западе і крайнем юго-востоке региона, в котом локально былі зафіксаваны поверья о лизуне.

[А про лизуна что-нибудь говорили?] (1:) М... такое я не слышала. (2:) **Ну, лизун – это чорт.** [Черт?] (2:) А вы думали хто? (1:) Ну, «лизун» я тоже не слышала. [А когда так говорят «лизун»?] (2:) Як усердятся [Смеется.] [Что?] Як усердитс[я] на кого, иди ты, гоўорят, лизун. [А почему лизун?] (1:) **Подхалим.** (2:) **Подлизывающе... подлиза.** (1:) Подхалим. (2:) Лыскаўще. [А почему же черт?] (1:) А-а... (2:) **А на то ж он и чорт, чтоб он хитрый быў,** чтоб ты яго не узнаў (Рыхлова Надежда Егоровна, 1953 г.р. (1), Рыхлова Мария Федоровна, 1922 г.р. (2), д. Амосенкі Россонскага р-на Віцебскай обл.; зап. А. Мороз, Н. Петров, 2015 г.).

В этом примере старшая из собеседниц прямо называет лизуна чертом. При попытке объяснить смысл наименования персонажа, обе рассказчицы стараются связать его с понятиями «подлиза», «подхалим» и объяснить таким качеством, якобы присущем черту, как хитрость.

В Ветковском районе Витебской области лизуном пугали детей, чтобы они не ходили на улицу:

[А чым дзяцей раней пужалі?]

(1:) **Лізун у вакно лез...**

(2:) Да!

[У вас лізуном пужалі?]

(1 и 2 вместе:) Да!

(1:) А чорт яго знае, што за лізун. <...>

[Пра лізуна мне калісь на Віцебшчыне расказывалі...]

(1:) Ну так мы яго не бачылі. **Мяне пугалі етым лізуном.** Ну я яго ў глаза не відзела: «Глядзі-ка ў вакно, лізун лезя».

[А што лізун мог зрабіць?]

(1:) Мы не знаём, што. Проста нас пугалі. Вот пугалі. **Напугаюць етым лізуном, тады на вуліцу не выходзім.** Цёмна, сьвету ж не была, лампы – і баімся лізуна (Н.В. Ковалева, 1937 г.р. (1), Е.Л. Барсукова, 1944 г.р. (2), д. Неглюбка Ветковского р-на Гомельскай обл.; зап. Е. Боганева, 2016 г.)

При повторнай записі адна из расказчыц уточніла, што лізуном пугалі дзяцей, калі ты не хочеш ляжаць спаць: «Эта пугалі дзяцей. **А што эта за лізун? Я і сама не знаю.** Я і сама баялася. У нас тожа было шэсьць дзяцей. Адна сястра ўжо памёрла, другая шчэ жыве во тут – і яна ўчора была, і мы. Дак во так. Ну знаеце, тады ж дзеці – ні сьвету не было, нічога. Дак вот такое вот. Якіясь баязьлівыя былі. Дак ужо там ці ня сьпіць, ці што, дак во: «Шчас лізун... **Закрывавай вочы, а то лізун прыйдзе, дак...**» А што за лізун? Я не знаю. Я сама яго баялася» (Н.В. Ковалева, 1937 г.р., д. Неглюбка Ветковского р-на Гомельскай обл.; зап. Е. Боганева, И. Смирнова, 2016 г.).

В некаторых сведчаннях из Витебскай (д. Москаленята Городокскаго р-на, Витебскай р-н) і Могилевскай (д. Лобковичи Кричевскаго р-на) абласцей акцент ставіцца на асноўнай адличальнай чэрце міфалагічнага персанажа – у яго доўгі язык, каторым он можа «слізаць», «пролізаць» сваю жыву (на карце гэты падвід абазначен сінім кружком).

«Шоў салдат са службы і зайшоў к адной хазяйке, начуваць папрасіўся. [Ночью без разрешения съел горошок сметаны.] Хазяйка прагнулася, відзіць: гаршок той – выдлітая смятана. «Хадзі, – кажэць, – я табе звяду к лізунку». **І вот павяла яго ў сарай, а там... лізунок.** Вот, вы знаеце, Вія сказку паказываюць. І аказалася, старуха была тым лізунком. Вот ён лятаў на ёй у воздухе і ўшыбіў ету старуху. І кады апусціліся – яна стала прасіцца ў яго, штоб ён яе адпусціў. І прама старуха была тым лізунком.

І сказку ету засэкла сястрэнка малая і: «**Там пад печкай лізунок! Я толька прійшла ў хату, а ён язык высунуў, хацеў мяне злізаць!**» (д. Москаленята Городокскаго р-на Витебскай обл., 1998 г. [2, с. 768–769]).

В Витебскім раёне плачущаму ребёнку гаворылі: «Ціша, дзетка, а то **цябе лізун зліжець**»; там же дзяцей пугалі лізуном, у каторага «**язык як цёрка, як лізнець, дык аж да крыві**» [3, с. 277].

В расказе из Могилевскай абласці лізун «пролізвае» сцяну, і потым дзіцям запрэцаюць ляжаць вполтную к сцяне (рацыянальная мотывіровка гэты запрэца – убераць ребёнка ад прастуды):

[Если дети не слушаются, убегают куда-то, их пугали кем-то? Гаворылі, штобы не ходілі куды-то, потым што там хто-то жыве?] (1:) Ну, это... да, пугалі... (2:) Бабаем, лізуном. [Лізуном?] (1:) **Лізуном баба пугала...** (2:) Калі подрослі, баба сказала, што яму язык оторвало, і ён пошэў к Бабе-Яге. [Усмяхаюцца.] [Кто такой лізун?] (1:) Ну это раньшэ пугалі. Лежат около сцяны. «Ня спи, холодно. **Одвигайся, а то лізун, – гьрит, – проліжет сцяну, і табе жопу проліжет.** <...> [То есть этот лізун где-то за сцяной прычэцца?] Да, ліжэць, сцяну проліжэць языком, дак каб не ложіліся блізка около сцяны. [У него такой язык большой?] Да, што сцяну проліжэць (Н.П. Яковлева, 1927 г.р. (1), правнук Н.П. Яковлевой, 2013 г.р. (2), д. Лобковичи Кричевскаго р-на Могилевскай обл.; зап. Е. Боганева, О. Белова, 2014 г.).

В говорах Смоленщины (Демидовский, Дорогобужский р-ны) слово *лизун* зафиксировано в значении 'нечистая сила (домовой, живущий под печкой или в овине, леший и под.': «Пыймаить тябе у лясу лизун», «Лизун пат печкай сидить!», «Пугали лизунами у речки» [4, с. 37]; аналогичное значение 'домовой, живущий в подполье, под печкой и т.д.' зафиксировано в говорах Ярославской, Костромской и Тверской областей: «Ужо тя лизун съест – так стращают детей» [5, с. 44].

Зооморфный лизун, согласно фольклорным свидетельствам, обитает на белорусско-псковском пограничье (локализацию еще требуется уточнить) и в Смоленской области (Руднянский р-н); на карте одно из мест локализации обозначено красным кружком со звездочкой.

По свидетельству с территории Витебской области, лизун жил в колодце, «белы такі, з палец», им пугали детей [3, с. 277]. Отметим, что в говорах западной Смоленщины (Ельнинский, Починковский, Глинковский, Рославльский р-ны) одно из значений слова *лизун* – 'улитка', 'слизняк' [4, с. 37]. Такое же значение sporadически зафиксировано в калужских, псковских и южноуральских говорах [5, с. 44–45].

На Смоленщине был записан рассказ о лизуне, напоминающем желтую зверушку (в публикации этот рассказ помещен в раздел «Банник», видимо, по месту обитания персонажа):

«Еще лизуны были.

– Не ходите поздно!

А пойдешь – кто-то желтенький глядит в окошко в бане. Зверюшка такей: четыре ноги, желтенький. То ли нам сдавалось, то ли на самом деле было». (д. Понизовье Руднянского р-на Смоленской обл., зап. 1984 г. [6, с. 271]).

В Муромском районе Владимирской области был зафиксирован сходный, также обитающий в бане персонаж, которым пугали детей, чтобы те не ходили в огород; больше никаких подробностей о нем неизвестно: «Не ходите в огород, там в бане лизун!» [7, с. 21].

Как и аморфный лизун, его зооморфный собрат имеет подвид, отличительная черта которого – большой рот / язык (на карте место фиксации – д. Шилово Россонского р-на Витебской области – отмечено красным кружком). Чтобы дети не ходили к водоему, их пугали *лизунами*, живущими в воде. Лизун в виде большой рыбы мог схватить ребенка, утащить в воду и утопить его (ср. выше образ живущего в колодце слизиобразного лизуна):

[А вот когда вы маленькие были, вас, кроме змей, чем-нибудь пугали родители, чтобы вы не ходили там к реке или в поле?] [(1) смеется:] Я и сама пугала ўнучку, как по купанку не ишла: лизун живётъ. [Кто живётъ?] **Лизун. Мяне так пугали, каб не ишла я к воде, там лизуны живутъ, и ён языком як схватить, и ўсё, и тябе утянеть, и ўтопишься.** <...> [А лизун – это что?] **А лизун, нам говорили, такая большая рыба с большим с таким... этим ртом, и она сразу хватает человека, и ўжо... особенно детей и проглотить – вот и ўсё.** (2:) Моя баба пугала всё, як, бывало, на речку идём, о... ому́ту: «Закрутить вас – и всё и утоните!», Они ж таки ому́ты». <...> Да вот так вот. Пойдеш у этот ому́т, можеть закрутить и правда ў воды, утопиться може. Таки вот баба пугала. (1:) Вот и я... я... унучка ж у нас годовалася, внучка летом, в этой купанке. А там лягушки плавают, там то караси... «Во, видишь, там! Ви[ди]шь (круги шо-то идуть як там). Во видишь: там лизун живётъ» – «Ах! Бабушка, ты мяне сх...

схватишь меня за руку? Ты мяне не бросай!» [Смеется.] А так что ж: пойдёте и, не дай Бог, подскользнётся, да и ў купанку (Ковалева В. П., 1943 г.р. (1), Ковалев А. С., 1940 г.р. (2), д. Шилово Россонского р-на Витебской обл.; зап. Н. Петрова, Ф. Орлов, 2015 г.).

Отметим общие для двух видов демонического персонажа локативные и функциональные характеристики: лизун глядит или лезет в окно (д. Понизовье Руднянского р-на Смоленской области; д. Неглюбка Ветковского р-на Гомельской области), сидит под печью или вылезает из-под печи (д. Москаленята Городокского р-на Витебской области), проникает сквозь стену (д. Лобковичи Кричевского р-на Могилевской области).

Исходя из регионального характера этого мифологического (демонологического) персонажа, можно предположить, что он имеет «родственника» в иноэтнической традиции – в фольклоре белорусских евреев известен шаловливый демон *лантух*, обладающий длинным языком, с помощью которого он дразнит или пугает людей [8, с. 120–122].

В одной еврейской сказке лантух подает талмудисту, засидевшемуся в синагоге за чтением Гемары, понюшку табаку, просунув язык через окно женской галереи: «Борясь со сном, он [талмудист] возьми и скажи: – Как хорошо было бы сейчас понюхать табачку...

Не успел он это вымолвить, прямо перед собой увидел понюшку табаку. Табак был на чем-то красном, шевелящемся, присмотрелся талмудист – а это язык, огромный язык, протянутый из окна женской галереи. Длинный красный язык, а на кончике его – понюшка табаку. Это ему захотел услужить лантух. Еврей взял табак, а язык исчез» [8, с. 120].

В другой сказке лантух дразнит сапожника, в результате чего сапожник теряет весь свой товар: «Вдруг в окно к нему просунулся огромный язык. Язык был такой длинный, что достал до сапожника. Однако сапожник не испугался. Когда язык, извиваясь и удлиняясь, дотянулся до сапожника и стал лизать ему руки, тот схватил с верстака острый, как бритва, нож, которым он резал толстые подошвы. Взмахнул ножом и отсек кончик языка. Однако язык мигом отрос и снова протянулся к сапожнику <...> Эта игра длилась до света. А как рассвело, увидел сапожник свое горе. Не язык он резал, а ботинки. Весь товар в куски изрезал» [8, с. 121–122].

Любопытная история, которая произошла с основателем Любавичской династии хасидов Шнеуром Залманом из Ляд, рисует нам образ лантуха, обитающего под мостом (ср лизуны в колодце и в реке). Когда Шнеур Залман жил в Витебске, на одном мостике завелся чертик, который присвоил себе это место и не давал никому ходить через мост. Когда пришлось Шнеуру Залману идти через мост, он почувствовал, что кто-то срывает с него шапку. Тогда он выкрикнул стих из псалма: «Не даст преткновения твоей ноге!» (Пс 121: 3), – и нечистику пришлось отступить. О том, что это был не простой черт, а именно лантух, говорит то, что фраза из псалма на иврите содержит аббревиатуру, заклинающую лантуха (его же именем, если озвучить последние буквы каждого слова) – *אלף יישימה למוט ראגלה* (Л-Н-Т-Х) [9, с. 286–287].

Еврейский лантух и лизун белорусско-русского пограничья объединены общим внешним признаком (длинный язык) и общим свойством (проникать через окно / через стену). На этом фоне кажется очевидным, что термин *лизун*, зафиксированный в Архангельской, Вологодской, Костромской, Ярославской, Владимирской областях для обозначения домового, имеющего привычку зализывать волосы людям и домашним животным,

является омонимом к рассматриваемому нами термину и означает иного персонажа с иными функциями (примеры см. [10, с. 40, 44, 136]).

Хапун. Этот персонаж хорошо известен в фольклоре белорусов, украинцев и поляков. По поверьям, в еврейский Судный день (праздник Йом Кипур) демон хапун во время моления похищает из каждой синагоге по одному еврею. Этот сюжет имеет богатую географию и изучен достаточно подробно, являясь своего рода универсалией для фольклора регионов, находившихся внутри так называемой черты оседлости. Отметим, что представления о «еврейском черте» хапуне до сих пор актуальны и фиксируются в живом бытовании несмотря на то, что еврейская традиция в большинстве восточноевропейских регионов утрачена и практика славяно-еврейского соседства стала фактом истории [11, с. 231–239; 12]. В этой публикации мы хотели бы рассмотреть несколько региональных свидетельств о хапуне, чтобы показать, как универсальный сюжет становится «точечным».

В рукописных материалах историка-краеведа И. И. Орловского (1869–1909), уроженца Ельнинского уезда Смоленской губернии, есть воспоминание, относящиеся в годы его детства и упоминающее интересующий нас персонаж. Как пишет биограф И. И. Орловского А. В. Жиркевич, «с детства не ускользают от внимания Ивана Ивановича и несчастные еврейские труженики, ремесленники, поселившиеся сперва в селе Даниловичах, а потом понемногу распространившиеся по деревням Даниловичского прихода. Быт их он отлично изучает еще в детские годы, с ужасом подслушивая вопли их в опустевшем барском доме, находящемся при селе, где справляли они, как выражается покойный «праздник хапуна» [13, с. 59].

Перед нами самая восточная из известных на сегодняшний день версия «свернутого» поверья о хапуне. Несмотря на свое окраинное положение, практически вне черты оседлости, данное свидетельство отражает не только представление о некоем «страшном» еврейском празднике (обряде), но и термин, бытовавший для обозначения этого праздника в славянской среде. Трансформация имени *хапун* в хроним отмечена и в других региональных традициях (Калинковичский р-н Гомельской области [11, с. 239], Щучинский р-н Гродненской области [14, с. 79–80]). В других региональных традициях «страшный» еврейский праздник может именоваться *чертохон* или *никипор* (ср. идиш диал. *Йом Кипер*) (г. Глубокое Витебской обл. [15, с. 202–205]).

В современной фольклорной традиции Смоленщины легенды и поверья о хапуне не зафиксированы (или эти данные нам, к сожалению, пока не известны). Материал смоленских говоров свидетельствует о том, что термин *хапун* бытует вне какого-либо легендарного сюжета и не соотносится с персонажем народной демонологии, ср. хапун в значении 'ястреб' («Хапун усих цыплят пиритьскау», Починковский р-н; то же в Рославльском р-не [16, с. 47, 94]) или 'каприз' («Ты ны яе ни сматри. У ей кьда какой хапун узайдеть», Ярцевский р-н [16, с. 47]; синонимом к слову *хапун* в этом значении является слово *упиры*, зафиксированное в Смоленском и Монастырщинском районах [16, с. 21]).

На Гомельщине (Октябрьский р-н) слово *хапун* встретилось в рассказе о раскулачивании: «У 1937 гозде хапуном забралі ўсіх у Мазыр» [17, с. 148].

В белорусских говорах восточной Витебщины слово *хапун* также часто фиксируется без привязки к какому-то демонологическому сюжету. Так одна из старейших жительниц

бывшего местечка Бешенковичи сообщила: «[Местные говорили: у них (евреев) сегодня *хапун*.] *Калі ў вас Хапун?* Это только слово» (Л.П. Комзикова, 1923 г.р., п. Бешенковичи; зап. А. Синило, Е. Стрельцова, 2016 г.); то есть речь здесь идет о названии праздника, см. сходные примеры выше. По словам более молодых собеседников, «хапун – когда быстро что-то разбирали: *ай, какі [какой] хапун*» (М.И. Рачко, 1943 г.р., п. Бешенковичи; зап. А. Синило, Е. Стрельцова, 2016 г.); «*хапун* идет от слова *хапать*. Так называют человека, который крадет, берёт то, что плохо лежит» (Н.И. Соколова, 1940 г.р., Е.С. Соколов, 1936 г.р., п. Бешенковичи; зап. А. Синило, Е. Стрельцова, 2016 г.); «Говорили все: у них *хапун хапае*ть, у тех, кто жить не умеет, чорт хапаеть» (Г.С. Равкова, 1927 г.р., д. Соржица Бешенковичского р-на; зап. А. Синило, Р. Зенюк, М. Ясинская, 2016 г.). В последнем примере имплицитно содержится отсылка к возможному в данном контексте демонологическому сюжету (*чорт хапаеть*).

В Бешенковичах удалось записать лишь один связный рассказ с участием хапуна. Это не типичный сюжет, приуроченный к еврейскому Судному дню; речь идет о еврейских похоронах, во время которых и может явиться хапун. Именно благодаря неординарности контекста, в котором появляется персонаж, можно причислить данный сюжет к разряду «точечных».

«Ну, хапуна... у них так заведено было, это до войны ещё, это мама рассказывала, что когда они хоронят кого, хоронили раньше, они в мешок ложили, теперь ящики делают, а раньше в мешок ложили. Надо было обязательно, чтоб русский, русские это положили его, и шли за ним, а потом они, значит, **его в эту яму бросают и говорят: «Забудь, как зовут», – и всё, бегом бегут назад там – «хапун! хапун!» – что-то говорят.** [На кладбище?] Да, у них было еврейское кладбище. [А покойника в мешок клали?] Да. [А гроб что ли не делали?] Не, не. Не делали. [А хоронили в каком положении?] Ну, лёжа... как он там лёг, так и хоронили. <...> У нас рассказывали, что в мешке везут и там этот мешок бросают. Ну, русские закапывали. Обычно везли на лошади, на лошадях возили раньше <...>. [А на могилу что ставят?] Камни. Вот камни и теперь лежат ещё, они уже заросли на их кладбище коло лесхоза. И высекали на камнях там имена они некоторые, а некоторые просто камни. [А что высекали?] Наверно, имя его, год рождения или год смерти, не знаю. [Почему разбегаются от могилы?] Вот они кричат «хапун!». [Кагда утыкаюць?] Да. [А что означало слово?] **Ну, хапун... чтоб не схватил.** [Кто?] Я ж не знаю кто. Дух там их, я ж не знаю, что... **Хапун – это ж «хватать» кого-то. От слова. Хапун. Чтоб схватить кого-то.** [Получается, из могилы кто-то должен был хватать?] Ну, наверно... да, или **кто-то там... дух или что...** [Так вам мама рассказывала?] Да» (В. С. Ширко, 1932 г.р., п. Бешенковичи; зап. А. Синило, Е. Стрельцова, 2016 г.).

В этом рассказе привлекает внимание редкое свидетельство относительно вербального сопровождения положения покойника в могилу – «забудь, как зовут». Это своеобразное отражение еврейского обычая обращаться к покойному со словами: «Чтоб ты знал, что ты мертв». Ср. свидетельства, записанные в г. Глубокое в 2015 г. – к почившему якобы обращались со словами: «Ты не забудь своё имя (называет ейное имя), ты не забудь своё имя, ты помни своё имя. Ты не забудь своё имя»; «Ты помнишь, что ты спишь, не забудь

своё имя, ты помни, что ты спишь» [15, с. 210] – что является «перевертышем» по отношению к исходной формуле (т.е. «не мертв, но спишь» и потому «помни свое имя»).

Хапун здесь выступает в необычной ипостаси некоего могильного духа, угрожающего участникам погребального ритуала. Отметим, что в соседнем Ушачском районе хапун также необычен: «У них <...> осенью праздник бывал. Они тогда идут в синагогу <...>. И хапун – говорят, как собака, бегаёт по этой толпе, нюхает, находит того кого надо и попёр» [18, с. 86].

Хапун, напоминающий своим поведением собаку, может быть в свою очередь соотнесен с неординарным образом этого персонажа, единожды зафиксированным в Речицком Полесье, где рассказывали, что «чорт мае вельмі порсткі кашлаты хвост, што адным махам падушыць усе сьвечкі ў жыдоўскай школе ў судную ноч, як яму трэба ўхапіць жыда» [19, с. 457].

Рассмотренные нами примеры демонстрируют, во-первых, уникальность отдельных сюжетов и мотивов, характерных для этно(лингво)культурного пограничья; во-вторых, мы можем наблюдать, как на пограничье трансформируются сюжеты, массово бытующие в метрополии; в третьих, показательно, что в маргинальных зонах может сохраняться лексика и терминология языка культуры даже в ситуации, когда означаемый элемент (будь то обряд или имя демонологического персонажа) уже не фиксируется в живом бытовании. Все указанные аспекты следует учитывать при изучении фольклорных сюжетов и мотивов пограничья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фольклор и язык русско-белорусского пограничья. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/pogranichje/about.htm>.
2. Традиційная мастацкая культура беларусаў : у 6 т. / Т.Б. Варфаламеева [і інш.] ; складальнік Т.Б. Варфаламеева. – Мінск : Беларуская навука, 2004. – Т. 2. Віцебскае Падзвінне. – 910 с.
3. Валодзіна, Т. Лізун / Т. Валодзіна // Міфалогія беларусаў : энцыклапед. слоўнік. – Мінск : Беларусь, 2011. – С. 277–278.
4. Словарь смоленских говоров. – Смоленск : СГПИ, 1993. – Вып. 6 : Лабазина – надянькацца. – 156 с.
5. Словарь русских народных говоров. – Л. : Наука, 1981 г. – Вып. 17 : Леснокаменный – масленичать. – 384 с.
6. Мифологические рассказы русских крестьян XIX–XX вв. / сост., подгот. текстов, вступ. статья и коммент. М.Н. Власовой. – 2-е изд. – СПб. : Пушкинский Дом, 2015. – 909 с.
7. Котельникова, Н.Е. Несказочная проза Муромского района / Н.Е. Котельникова // Живая старина. – 2005. – № 2. – С. 21–24.
8. Еврейские народные сказки, предания, былички, рассказы, анекдоты, собранные Е.С. Райзе / сост., лит. обраб., предисл., коммент. В. Дымшица. – СПб. : Симпозиум, 1999. – 496 с.
9. Бадхен, М. Еврейская чертовщина / М. Бадхен. – М., Иерусалим : Мосты культуры / Gesharim, 2007. – 320 с.
10. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / сост. и автор коммент. О.А. Черепанова. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996. – 212 с.

11. Белова, О.В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции / О.В. Белова. – М. : Индрик, 2005. – 288 с.
12. Bielowa, O. Legenda o Chapunie: formy istnienia na pograniczu polsko-ukraińskobiałoruskim / O. Bielowa // Podlasie Nadbużańskie – 500-lecie powstanie województwa podlaskiego / nauk. red. Oleg Latyszonek. – Ciechanowiec : Muzeum Rolnictwa im. ks. K. Kluka w Ciechanowcu, 2013. – S. 293–304.
13. Жиркевич, А.В. Иван Иванович Орловский (Биографический очерк) / А.В. Жиркевич // Смоленские мемории. – Смоленск : Коллекция, 2013. – С. 36–242. – Вып. 3 : А.В. Жиркевич. Ив. Ив. Орловский (Биографический очерк с приложениями – двумя портретами Орловского и его статьей).
14. Белова, О. Портрет этнического соседа: евреи глазами славян (по фольклорно-этнографическим материалам с Гродненщины) / О. Белова // Желудок: Память о еврейском местечке / отв ред. И. Копченко. – М. : Центр научных работников и преподавателей иудаики в ВУЗах «Сэфер» ; Институт славяноведения РАН, 2013. – С. 63–81.
15. Белова, О. Быт и повседневность в рассказах жителей Глубокого / О. Белова // Память о еврейском местечке: Глубокое / О. Белова ; отв. ред. И. Копченко. – М. : Центр научных работников и преподавателей иудаики в ВУЗах «Сэфер» ; Институт славяноведения РАН, 2017. – С. 177–220.
16. Словарь смоленских говоров. – Смоленск : СГПУ, 2005. – Вып. 11 : Убадривать – ящери; авторичанка – тушилка. – 272 с.
17. Народная проза Акцябршчыны / уклад, уступ. артыкул А.М. Боганевай. – Мінск : Беларуская навука, 2018. – 192 с.
18. Базаревич, А. Еврейское население в народной традиции г. Ушачи и окрестностей: этноконфессиональные стереотипы / А. Базаревич // Лепель, память о еврейском местечке / отв. ред. С. Амосова. – М. : Центр научных работников и преподавателей иудаики в ВУЗах «Сэфер» ; Институт славяноведения РАН, 2015. – С. 84–87.
19. Пяткевіч, Ч. Рэцыцкае Палессе / Ч. Пяткевіч ; уклад., прадм. У. Васілевіча ; пер. з пол. Л. Салавей і У. Васілевіча. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2004. – 670 с.

ABOUT “POINT” PLOTS OF THE RUSSIAN-BELARUS BORDER

O. BELOVA

The article presents an analysis of some of the plots of folk non-fairy prose related to the characters of folk demonology and recorded on the Russian-Belarus' borderland. These stories can be defined as “spot” ones because of their geographical spread, and folk beliefs about such the demonic creatures as lizun and khapun occurring on linguistic and cultural borderlands are considered a marker of local folklore traditions.

Keywords: *folklore, mythological personages, folk demonology, beliefs, ethnic-cultural contacts, linguistic and cultural borderlands.*